

Бесик Пипия

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА, с чего все начиналось?

— Родилась 7 июля 1939 года в Ленинграде на улице Маяковского, 38, в квартире номер 6. Квартира принадлежала моему деду, который был директором некой фабрики. У меня была чудная бабушка Александра Федоровна, очень красивая женщина, она замечательно пела в церковном хоре.

Началась война, блокада. Маму, меня, папину сестру и ее дочь Мариашку вывезли в Вологодскую область, и там мы прожили всю войну. Мне было 5 лет, и я уже зарабатывала деньги. Меня привязывали на лошадей в силосной яме, туда скидывали корма на зиму скоту, я с этой лошадей утаптывала целый день и получала трудондн за это. Ходили с Мариашкой воровать горох. Воровали жерди, для того чтобы вечером натопить печку...

С пятилетнего возраста все время хотела петь. Так меня и звали все — артисткой. Пела вальсы Штрауса. После школы поступила в музыкальное училище, занималась год. Отец, который прошел войну до Берлина, мне сказал: ты должна поступить в Радиотехнический институт. Если быть, то только большой певицей, а из тебя

«Бале-маскараде» Верди — это, конечно, был звездный час, получила Золотого Верди, высшую награду Италии. Провалов у меня не было, слава тебе, Господи.

— Каков ваш характер? Можете такими тайнами поделиться?

— Все думаю, что я очень сильная и очень властная. Но внутри я очень ранимая и женщина очень нежная (улыбается).

— Расскажите о вашей педагогической деятельности.

— Я преподаю по всему свету, езжу на мастер-классы в Америку, Италию, Словакию, очень много работаю в Японии, Испании, в этом году меня пригласили в Португалию. Второй год работаю в Академии при Мариинском театре, Гергиев меня пригласил, и я там тоже даю мастер-классы.

Петербургцы подарили возможность сделать мой конкурс. Международный конкурс Елены Образцовой, который может войти в Книгу Гиннесса, потому что заявки подали 350 человек. У меня очень большое и представительное международное жюри, в него входят Карло Бергонци, Джон Вустман, Зара Долуханова, Виктория де Лос Анхелес, Рената Скотто, Важа Чачава, Федора Барбери... Конкурс пройдет с 6 по 16 сентября.

— Елена Васильевна, почему большинство ваших учениц не сделали хорошей карьеры?

— Карьеру делают просто едини-

— Должно быть, чтобы голос подчинялся певцу. Обязательно. Я об этом говорю все время моим студентам. Артист как бы должен быть дирижером собственного оркестра, который находится внутри.

— Почему вы захотели ставить спектакли как режиссер?

— Дирекция Большого театра предложила мне поставить «Вертера», я всегда хотела заниматься режиссурой, потому что у меня такой громадный опыт, уже 36 лет я езжу по всему свету, встречалась с самыми великими музыкантами, всю жизнь я была вместе с великими дирижерами, режиссерами, певцами, лучшими театрами мира. Хочется поделиться. Поэтому я с удовольствием делаю мастер-классы и с удовольствием ставила бы оперы. В планах мне бы хотелось поставить «Кармен» от начала до конца, потому что в Мариинском я как бы отредактировала старый спектакль. Мечтаю о «Царской невесте». Я думаю, когда я буду готова, театры мне не откажут в этом.

— Какая партия самая сложная для вас в техническом и драматическом отношениях?

— В техническом это, конечно, Адальджива в «Норме» Беллини, я пела ее в «Метрополитен-опере», — очень высокая тесситура. Но, знаете, молодость, она решает все проблемы сама. Очень трудно было петь в «Анне Бо-

музыки, что, казалось, сердце останавливается...

— Да, у Караяна на записи оперы «Трубадур» в Берлине, а потом после записи у него был концерт, он играл «Болеро» Равеля. Он начал с такого пианиссимо и так набирал мощь к форте, к самому концу, сердце просто заходило от эмоций, мне казалось, что большего кренденно просто быть не может. Я просто задыхалась от этой музыки.

...Мы пели в Венгрии. После концерта ко мне в гостиничный номер «вошла» корзина цветов, а за ней вижу — Володя Спиваков. И он мне одной играл «Чакону» Баха. А когда открыла дверь в коридор, там стоял весь его оркестр и Юрочка Башмет. Этот вечер был одним из самых сильных впечатлений в моей жизни.

— Не хотите ли вы спеть с эстрадными исполнителями, как это делают Паваротти или Каррерас и та же Кабалье?

— Я считаю, что это не нужно. Мне не нравится это. Это делается исключительно ради коммерции.

— Им не хватает денег?

— Да, чем больше денег имеешь, тем больше не хватает. С другой стороны, это делается для популяризации, чтобы говорили об этом. А в паре исполнитель — эстрадный певец в выигрыше чаще остается последний.

— Вы встречались с первыми лицами Советского Союза...

НЕ ЗНАЮЩАЯ ПРОВАЛОВ

«Бог дал мне талант, я отработала его честно и сполна», — говорит юбиляр Елена Образцова *Независимая газета*,

— 1999 — 7 июля — с. 7

ничего не получится. Поступила в этот институт, проучилась там год и удрала. Все-таки я пошла прослушаться в консерваторию. Мне сказали: берем, но иди и сдавай экзамены — историю, литературу. Я думала, что в консерватории только поют. К экзаменам готова не была. Но меня все же взяли без экзаменов, сказали: сдашь во время учебы. На 3-м курсе я спела на Международном фестивале молодежи и студентов, получила первую премию, на конкурсе Глинки в Москве — тоже первая премия и золотая медаль. Меня взяли в Большой театр. С 3-го курса консерватории я уехала, экзамены сдала экстерном.

— Менялся ли с годами тип вашего голоса?

— Да, очень сильно. Когда я была маленькая, я пела сопрано и брала очень высокие ноты, отец даже все время кричал: как по стеклу ножом действует на меня твой голос, замолчи сейчас же. В 14 лет у меня было контральто, старинные же цыганские романсы пела почти баритоном. В консерваторию поступила как сопрано, а через год я уже пела как меццо. И так всю жизнь. (С Еленой Образцовой я беседую в ее петербургской квартире. В коридоре слышатся шаги. Образцова кричит: «Маквала, осторожно, здесь у меня мужчина». В дверях появляется Маквала Касрашвили, солистка Большого театра, народная артистка СССР.)

— Елена Васильевна, как бы вы охарактеризовали собственный стиль?

— (Смеется.) Люди все имеют свой стиль, потому что каждый человек — это Божье создание. У каждого человека должен быть свой стиль исполнения, свой стиль жизни, свой стиль в одежде, свой стиль в общении с людьми. Ну вот так Боженька меня создал, что у меня свой стиль.

— Что вы мечтали спеть, но так и не спели?

— Мечтала спеть Тоску, но Тоска написана для сопрано. Я вокруг да около все ходила, пыталась петь, меня приглашали очень многие. Франко Дзеффирелли меня пригласил сделать фильм, Герберт фон Караян предлагал записать диск.

— Вы склонны к риску?

— Я рисковала только в пении. Никогда никому не сказала «нет», ни одному режиссеру, ни одному дирижеру. Всем, кто меня приглашал на какие-то спектакли, оперы, я всегда говорила «да». В этом смысле я рисковала, потому что я не знала объем работы, успев ли к определенному сроку, в этом был риск. В жизни я не рисковала женщина.

— Ваши исполнительские кумиры раньше и теперь?

— Я очень любила и люблю Марию Каллас, она для меня высочайшего класса мастер, музыкант. Она была моим кумиром, так и осталась.

— Кто ваши соперницы на сцене?

— У меня не было соперниц, я не понимаю слов «соперница», «ревность», «зависть».

— Елена Васильевна, у вас есть любимые дирижеры и партнеры?

— Самый любимым в моей жизни, наверное, все же был Клаудио Аббадо. Он тогда работал в «Ла Скала», я очень много с ним сделала музыки. Я очень любила работать с Джанандреа Гавадзени и Гербертом фон Караяном, любила петь с Монсеррат Кабалье, в «Кармен» и «Самсоне и Далиле» был потрясающий Пласидо Доминго, я очень любила Альфредо Крауса, который пел «Вертера», я считаю, что это самый великий Вертер нашего века. Очень любила петь с Миреллой Френи в «Дон Карлосе».

— Ваш звездный час и самый страшный провал?

— Когда пела впервые в Большом театре, мой дебют в «Метрополитен-опере», мое выступление на 200-летнем юбилее «Ла Скала». Тогда я пела в «Дон Карлосе» и

цы. Это надо, чтобы был голос, чтобы был ум и Божье благословение на это. Но все девочки мои очень хорошо поют и все занимают хорошее положение в театрах. Лариса Курдюмова поет в театре Немировича-Данченко в Москве, Марина Шутова — в Большом, Наташа Костенко — ведущая солистка театра Минска, Ирина Брежнева — солистка филармонии в Москве.

— Есть ли русская вокальная школа или это только миф?

— Школы как таковой — русской, испанской, итальянской — нет, есть стиль исполнения — русской, немецкой музыки, есть хорошие и плохие певцы. Мы пели всю жизнь, все вместе, как я говорила, была такая футбольная команда — была Джоан Сатерленд из Австралии, я была из России, была Монсеррат Кабалье из Испании, из Италии была Рената Скотто, все замечательно пели, и школа не сильно ломалась.

— Что отличает петербургских певцов от московских?

— Таких тонкостей я не чувствую (смеется). Есть хорошие певцы и плохие, а откуда они — неважно.

— Несколько слов о вашем сотрудничестве с Валерием Гергиевым и Мариинкой.

— Семь лет назад меня пригласили в Кировский петь оперу «Трубадур», дирижировал тогда Гергиев, еще не знаменитый. Тогда впервые встретились. Год два назад мы летели с ним вместе из Японии, и все 9 часов полета мы говорили. Разговаривали о том, что нужно вместе работать, он пригласил меня петь в Мариинском, ездить на гастроли вместе с ними, давать мастер-классы в академии, которой руководит Лариса Гергиева. Совсем недавно он попросил меня сделать «перестановку» «Кармен». Так что весь мой жизненный опыт я отдаю Мариинскому театру с большим удовольствием. Я буду петь в «Метрополитен-опере» с Гергиевым «Игрока» Прокофьева, «Пиковую даму» и «Войну и мир» в «Ла Скала», здесь я собираюсь спеть «Аиду» и «Кармен» в следующем сезоне.

— Вы подчинены голосу или голос вам?

лейн» Доницетти в «Ла Скала». Драматических сложностей никогда не было, потому что на сцене я живу.

— Ваши последние выступления в опере?

— Я спела «Адриену Лекуврер» в Италии вместе с Катей Риччарелли и Петером Дворским, дирижировал Бонинг, «Луизу Миллер» в Испании в театре «Лисео» с Володей Черновым.

— Где вам нравится выступать больше всего?

— Я очень люблю Большой театр, это мой дом, сцена, которая первой взяла меня в свои объятия, я очень люблю петь в «Ла Скала», «Метрополитен-опере», в оперном театре «Лисео» в Барселоне и, конечно же, в Мариинском.

— Елена Васильевна, а Мариинку вы не разлюбили после того, как на ее сцене сломали руку?

— Это было полтора года назад. В Мариинском театре пела «Кармен». Я попросила тенора, чтобы уронил меня в 3-м акте, когда мы ссоримся. Я готовилась к этому падению, но он, видимо, забыл и со сцены ушел вместе с Микаэлой. Я подумала: не уронил и ладно, неверное, забыл. Расслабилась, отвлеклась. В это время я почувствовала удар в грудь, я упала и сломала руку. Когда падала, я так орала, что кто-то, кто близко сидел, наверное, почувствовал что-то неладное. Тенор, оказывается, в самом деле забыл меня уронить, а потом вспомнил, прибежал (смеется) и толкнул. Мне заморозили руку, какими-то дощечками заложили, я вся обернулась платками, шальями. Сделали укол, и с наркозом я вышла и допела последний акт.

— Вы Кармен поете исключительно босиком?

— Это правда. Кармен у меня такое животное, как зверюшка, пантера, и, когда я пою в туфлях, меня это стесняет, я не ощущаю себя животным, а когда я босиком, то чувствую себя настоящей цыганкой.

— Зимой не холодно ногам?

— Когда стоишь на сцене, ни о каком холоде не думаешь и ничего никогда не замечаешь.

— Вы говорили, дважды в жизни испытывали такое потрясение от

— Со всеми. С Хрушевым, с Брежневым, Андроповым, Горбачевым, Ельциным.

— И кто из них вам запомнился настоящим мужчиной?

— Как мужчина не понравился никто (заливается смехом). Вот кто мне очень понравился, так это Джордж Буш, очень импозантный мужчина, красивый, современный человек.

— Идеальный мужчина — каков он?

— Умный, красивый, ласковый, нежный, должен хорошо зарабатывать, очень любить свою жену, детей.

— Такие мужчины еще бывают?

— Я знала единственного такого мужчину, любила его без ума. Это был Альгис Жюрайтис — дирижер Большого театра и мой второй муж.

— Кто был ваш первый муж?

— Физик-теоретик. Встретились мы в компании, я была тогда на 3-м курсе консерватории, а он оканчивал Ленинградский университет. Влюбились и вскоре поженились. Сразу я родила девочку, Лену мою. Мы прожили вместе 16 или 17 лет и потом развелись: я влюбилась в одно мгновение в Альгиса Жюрайтиса.

— Что вы можете сказать о вокальных успехах вашей дочери?

— Я всегда была против, чтобы она пела. Считала, что она не обладает большим голосом, не сможет выучиться. Но сейчас доказывает, что она может, и я очень за нее рада. Лена учится у Монсеррат Кабалье в Испании, я страшно обижена на Монсеррат, потому что отняла у меня дочку, а своей дочке не преподает (смеется). Лена замужем, ей 30 лет, у нее сын 11 лет, который замечательно говорит на каталонском, испанском и английском и, конечно, на русском. Ну вот из-за этого я терплю отъезд, хотя бы ребенок будет говорить на языках.

У меня самой вечные переезды, отели, чемаданы, смена климата и времен года, все новые, новые люди — все летит и мелькает передо мной, как в ускоренной киноленте. Поменять что-либо невозможно — я раб своего искусства.

— Кто ваши друзья?

— У меня очень много друзей. Самая моя близкая подруга — это Маквала Касрашвили, я ее просто обожаю, как певцу, как женщине, как подругу.

— Свободное время — если выпадает?

— Я пишу мемуары, вторую часть моей книги. Играю со своими зверюшками, у меня две собаки и кот, которых я обожаю, которые сейчас составляют всю мою семью. Если мне что-то не нужно учить, засыпаю всегда с книжкой. Читаю про йогу и божественные книги, люблю Достоевского, Есенина, Блока... Телевизор я всегда смотрю про зверюшек и очень люблю Шендеровича, он умный и талантливый, беспощадный человек. Новости почти не смотрю, зачем только расстраиваться, слышишь одно плохое.

— Готовить любите?

— Нет. В Петербурге я обедаю в ресторане «Кэт» у Сережи Осинцева. Он мой дружок, очень интересный и хороший человек. Он изумительно знает историю Петербурга, показывает мне дворцы, о которых я, ленинградка, не знала. Мы едим на экскурсиях каждый раз. В Москве я специально хожу в один ресторан есть суп из спаржи — это французская кухня. А вообще я очень люблю японскую кухню, и грузинскую тоже обожаю: лобио зеленое, купаты, чахохбили, сациви, слоеную янтарную ачму из домашнего сыра...

— Елена Васильевна, вы человек счастливый?

— Да, я считаю себя счастливой, потому что в жизни знала любовь и как певица реализовала себя полностью. Бог дал мне талант, и я отработала его честно и сполна.

Санкт-Петербург

Кармен — любимая партия Образцовой. Фото автора

87